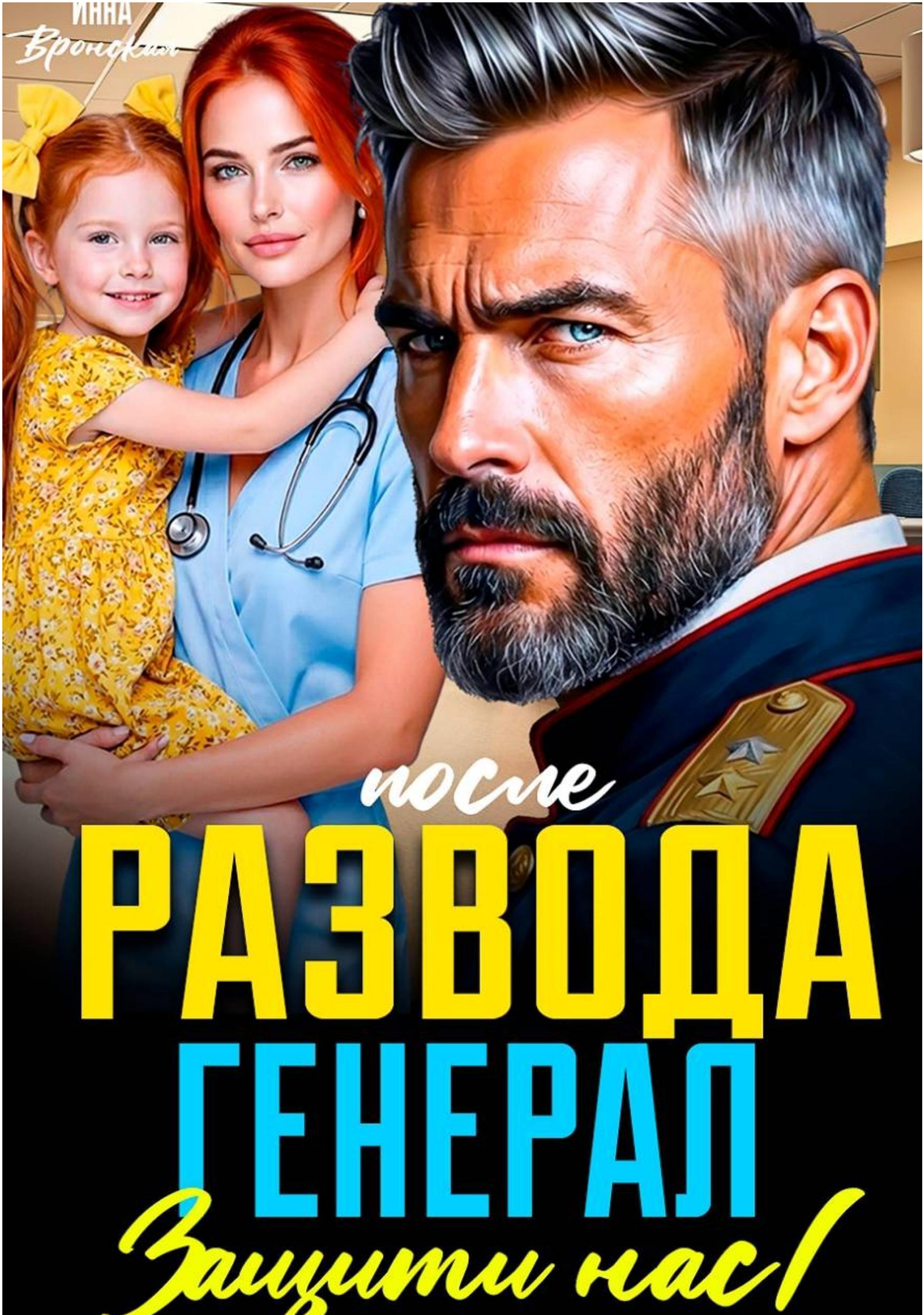
ИННА
Вронская
после
РАЗВОДА
ГЕНЕРАЛ
Защити нас!

Инна Вронская

После развода.
Генерал, защити нас!

«Автор»
2026

Вронская И.

После развода. Генерал, защити нас! / И. Вронская — «Автор», 2026

Муж поставил передо мной жесткое условие: моя единственная роль — быть матерью его дочери, и любое отклонение от этого правила недопустимо. Он пригрозил, что при малейшем подозрении на другого мужчину в моей жизни я навсегда потеряю ребенка — никаких встреч, никаких звонков, полное исчезновение из жизни Маши. Я давно смирилась с изменами мужа и не могла подать на развод из-за его связей и влияния. Но всё меняется, когда в мою смену в больницу поступает генерал с тяжелыми ожогами лица. Мне предстоит вернуть ему облик, однако муж ставит ультиматум: я должна сделать так, чтобы генерал очнулся недееспособным — без памяти и воли. Этот генерал слишком опасен для моего мужа, так как дает показания против его людей, и только в беспомощном состоянии он перестанет быть угрозой.

© Вронская И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Конец ознакомительного фрагмента. 13

После развода. Генерал, защити нас!

Глава 1

Будильник рвёт тишину на куски. Я вздрагиваю и открываю глаза. Цифры на экране пылают красным укором. Я проспала целых сорок минут. Сердце тут же обрывается и падает в пустоту, а потом начинает колотиться, пытаясь вырваться наружу.

— Черт, черт, черт!

Срываюсь с кровати. Ноги путаются в простыне, я почти падаю. В голове туман, густая и липкая каша из недосыпа и остатков кошмаров. Сегодня же дежурство. И Машу в сад.

— Машенька, родная, вставай, проспим! — Голос звучит чужим, хриплым от сна.

В детской кровати под розовым одеялом шевельнулся маленький комочек. Моя дочь. Моя пятилетняя вселенная. Она хнычет, не открывая глаз.

— Не хочу-у…

— Надо, солнышко, надо. Маме на работу.

Подхватываю её на руки. Она обвивает меня ручками, тёплая и беззащитная. Её запах — детский шампунь и сон — на секунду приглушает панику. Потом таймер в голове снова начинает обратный отсчёт.

В ванной действую на автопилоте. Провожу влажным полотенцем по её личику. Себя лишь споласкиваю ледяной водой, чтобы прогнать остатки сна. Зеркало показывает бледное лицо с синяками под глазами. Я отворачиваюсь.

— Кушай быстро, — суну ей в руку сухое печенье и пакет сока. Сама глотаю глоток холодного кофе из вчерашней чашки. Он горький и противный.

Одеваю её, натягиваю на себя джинсы и свитер. Халат в сумке. Волосы с силой собираю в тугой узел, кожу на голове больно тянет.

Пробки. Бесконечная, неподвижная река из металла. Я вжимаюсь в руль, пальцы белеют от напряжения. Взгляд мечется между часами и багажником впереди. В голове вертится карусель: не забыть купить молоко, дописать отчёт по вчерашней операции, позвонить маме… И везде, как чёрная подложка, мысль о нём. О Градове. Он везде. Даже здесь, в этой застывшей машине.

В садик влетаю, как ураган, почти волоку Машу за руку. В холле нас уже поджидает Светлана Петровна, воспитательница. Её лицо — маска вежливого неодобрения. Губы поджаты, брови чуть приподняты.

— Алиса Викторовна, мы вас заждались. И, честно говоря, обеспокоены.

— Простите, пробки, — выдыхаю я, пытаясь отстегнуть куртку у Маши.

— Пробки — это объяснение, но не оправдание для ребёнка, — она делает паузу для весомости. — Вся группа сдала осенние поделки ещё вчера. Мария — единственная, кто не сдал. Девочка расстраивается, чувствует себя белой вороной.

В животе всё сжимается в холодный комок.

— Сегодня обязательно сделаем. Просто не хватило времени.

— Время, Алиса Викторовна, нужно находить, — её голос становится сладковатым, ядовитым. — Вы ведь мать, а потом уже врач. И, к слову, посмотрите на обстановку в группе.

Она широким жестом указывает на игровую. Столы с облупившейся краской, стулья на шатких ножках.

— Родительский комитет собирает средства на новую мебель. Мы знаем, что папа Марии — Артём Борисович Градов. Известный, успешный человек. Уверена, для него не составило бы труда помочь родной дочери. Может, вы просто поговорите с ним? Он такой… отзывчивый.

Последнее слово она произносит с каким-то странным, знакомым укорением. И вдруг до меня доходит. Она не просто просит. Она докладывает. Это его глаза. Его уши. Меня тошнит.

— Мы с Артёмом Борисовичем не живём вместе, — говорю я резко, и мой голос звучит грубее, чем хотелось. — И просить его ни о чём не буду. Не могу.

Светлана Петровна поджимает губы, её взгляд становится холодным и оценивающим.

— Как знаете. Но ребёнку, поверьте, нужна стабильность. И внимание обоих родителей.

Я целую Машу, пряча лицо в её мягкие волосы. Мне хочется закричать. Вместо этого я выбегаю на улицу, в морозный воздух, который обжигает лёгкие.

Больница. Мой храм и моя тюрьма. Сегодня «тяжёлый» день — ночное массовое ДТП, много пострадавших. Реконструкция лица, челюстей, носа… Работа, которая требует божественной точности и ледяного спокойствия. А внутри у меня — землетрясение.

Врываюсь в ординаторскую, сбрасываю сумку. И замираю.

За моим столом, в моём кресле, сидит он. Закинул ноги в лоснящихся туфлях на столешницу, разглядывает чью-то медицинскую карту. Артём.

Мощный, как гора. Блондин с волосами, уложенными с безупречной небрежностью. Лицо — будто выточенное из льда: чёткий подбородок, высокие скулы, прямой нос. И глаза. Серые, бездонные, пустые. Как озёра в безлунную ночь. В них нет ни мысли, ни души. Только холодная, всепоглощающая власть.

— Сорок три минуты, Алисонька, — произносит он ровным, бархатным голосом, не отрываясь от бумаг. — Опаздываешь. Не больница, а какой-то цыганский табор.

У меня перехватывает дыхание. Воздух становится густым, как сироп.

— Выйди. Сейчас же. Что ты вообще делаешь в моем кабинете?

Он медленно, с преувеличенной неспешностью, убирает ноги и поднимается. Кажется, он заполняет собой всю комнату. Подходит ко мне. Шаг. Ещё шаг. Я отступаю, пока пятки не упираются в стену. Он протягивает руку и упирается ладонью в стену рядом с моей головой. Замыкает меня в клетку из собственного тела.

— Мне звонили из садика, — говорит он тихо. Его дыхание пахнет дорогим кофе и чем-то ещё, ментоловым и чуждым. — Опять. Ты подводишь нашу дочь. Поделка. Собрание. Ты что, забыла наш уговор?

Я молчу, стиснув зубы. Говорить с ним бесполезно.

— Уговор был простым, — он наклоняется ближе, и я чувствую тепло его тела. Оно заставляет меня содрогнуться. — Ты — мать. В первую очередь. А это, — он делает легкий, презрительный жест в сторону больничного коридора, — твоё жалкое увлечение. Не более. Ты пренебрегаешь обязанностями. А я этого не люблю.

— Отстань от меня, — выдыхаю я. Голос дрожит. Ненавижу эту дрожь. — Я делаю всё, что могу.

— Мало, — отрезает он. Его свободная рука поднимается. Я замираю, инстинктивно прикрываясь. Но он не бьёт. Он проводит большим пальцем по моей нижней губе. По тому самому месту, где до сих пор есть едва заметный, белый шрам.

— Помнишь, как он появился? — его голос становится сладким, почти нежным. От этого ещё страшнее. — Ты тоже тогда «делала всё, что могла». Говорила что-то лишнее. Пришлось… заткнуть тебя.

Воспоминание накатывает волной: его искажённое яростью лицо, звон в ушах, вкус крови во рту, Машин плач из соседней комнаты.

— Я тебя ненавижу, — шепчу я. И это чистая правда.

— Знаю, — он усмехается. — Это даже забавно. Но это ничего не меняет. Ты — моя жена. Юридически. Фактически. Навсегда. И у меня к тебе вопрос.

Он ещё ближе наклоняется ко мне, его губы почти касаются моего уха.

— Личная жизнь. Есть кто-то? Хотя бы намёк? Хотя бы взгляд в сторону какого-нибудь… коллеги?

— Нет, — вырывается у меня. — Никого. Ты же всё контролируешь.

— Верно. Контролирую. И если я замечу хоть тень другого мужчины рядом с тобой, — его голос теряет всякую бархатистость, становится стальным и острым, — я заберу Машу. Навсегда. Ты её больше не увидишь. Никаких звонков. Никаких свиданий в парке под присмотром. Ты исчезнешь из её жизни. Как будто тебя никогда не было. Поняла?

От этих слов мир переворачивается с ног на голову. В горле встаёт ком, такой огромный, что кажется, я задохнусь.

— Поняла? — повторяет он, и его палец снова давит на шрам.

— Поняла, — слышу я свой собственный, сдавленный голос.

— Прекрасно. Тогда хорошего дня, дорогая. И… удачи со всеми этими калеками.

Он отстраняется, поправляет манжет рубашки. Безразличным, победительным взглядом скользит по мне сверху вниз. Потом разворачивается и выходит, не оглядываясь.

Я стою, прижавшись к стене, не в силах пошевелиться. Подхожу к окну, чтобы глотнуть воздуха. И вижу.

У его чёрного, блестящего внедорожника стоит высокая девушка. Блондинка в короткой юбке, которая не спасает от осеннего ветра. Она смеётся, запрокинув голову. Артём подходит к ней, хватает за талию и буквально опрокидывает на капот. И целует. Долго, страстно, на глазах у всего мира. Как будто ничего и никого вокруг не существует.

А у меня внутри всё превращается в лёд. Я — его пленница. Его вещь. А он свободен. Он может всё.

Раздаётся резкий, пронзительный сигнал. Громкоговоритель хрипит:

— Врач Градова в операционную номер три! Красный код! Срочно!

Красный код. Пациент между жизнью и смертью.

Я глубоко вдыхаю, вытираю ладонью глаза. Слава богу за эту работу. Только здесь, под ярким светом ламп, с скальпелем в руке, я хоть что-то значу. Я не Алиса, униженная жена. Я — доктор Градова. И сейчас я нужна пациенту как никогда.

Глава 2

Я влетаю в операционную. Воздух стерилен и заряжен адреналином. Взгляд цепляется за стол под лампами — и внутри всё обрывается.

Мой пациент. Лицо, вернее, то, что им было, — сплошной багровый рубец, стянутый, как грубая кожа на барабане. Следы срочной работы в госпитале Белгорода — толстые, неровные швы, будто его собирали на скорую руку из лоскутов. Герой, который закрыл собой детей в школе, где обнаружили взрывчатку.

Анестезиолог бросает на меня взгляд поверх маски.

— Градова, генерал-майор Воронцов. Ожоги лица, шеи, частично груди. Местная анестезия, как вы просили. Нервы не задеты, но мимика под угрозой. Готовы?

Я киваю, не в силах отвести взгляд. Подхожу ближе. Мои руки, эти бесстрашные инструменты, вдруг кажутся чужими. И в этот момент он открывает глаза.

Среди этого ада из мяса и рубцовой ткани — два серых осколка неба. Не тусклых, не замутненных болью. Ясных. Глубоких. Диких.

В них нет мольбы. Нет страха. Есть только первобытная, звериная ярость от собственной беспомощности. И невыносимая боль. Он смотрит на меня, как раненый волк, загнанный в капкан, который уже перегрыз себе лапу, но не сдаётся. Его взгляд — вызов. И приговор самому себе.

— Андрей Сергеевич, — мой голос звучит тихо в гулкой тишине операционной. — Сейчас будет важный момент. Вам нужно быть в сознании. Потерпите.

Он не кивает. Он просто не отрывает от меня этого жёсткого, горящего взгляда. В нём читается: «Делай, что должна. Я выдержу всё».

Первый надрез. Скальпель рассекает стянутую кожу. Мои пальцы уверенны, но внутри меня всё сжалось в ледяной комок.

Тело на столе вздрагивает. Мышцы живота напрягаются до каменной твердости. Раздаётся низкий, хриплый стон, заглушённый трубкой. Но он не отводит взгляда. Он продолжает смотреть на меня. Сквозь боль. Сквозь ужас. Как будто я — его единственная точка опоры в этом кошмаре.

— Держитесь, — шепчу я, чувствуя, как по спине бежит холодный пот. — Я должна освободить скуловую дугу.

Работаю пинцетом, отделяя рубцовую ткань от кости. Это ювелирная работа под давлением. Каждый мой вдох синхронизирован с его прерывистым, хриплым выдохом. Он весь — сплошное напряжение. Его руки, пристегнутые ремнями, рвутся с ограничителей. Сухожилия на шее выпирают, как канаты.

— Сейчас будет…терпите, — предупреждаю я, приближаясь к зоне у рта, где сеть нервов тоньше паутины.

Я встречаюсь с его взглядом. В этих серых глазах — буря. Боль, превращающаяся в ярость, ярость, плавящаяся в отчаяние. Он кивает. Едва заметно. Разрешение. Или приказ.

Я ввожу инструмент. И тогда он издаёт звук. Не человеческий. Звериный. Глухой рык, идущий из самой глубины грудной клетки, полный такой первобытной муки, что у меня по коже бегут мурашки. Всё его тело бьётся в конвульсии, мониторы взвизгивают тревогу. Анестезиолог добавляет препарат, но я кричу:

— Нет! Только местное! Иначе потеряем контроль за нервами!

Я продолжаю. Сквозь слёзы, которые застилают мне глаза. Сквозь дрожь в руках, которую я силой воли подавляю. Он рычит, хрипит, его взгляд блуждает, теряя фокус от боли, но всегда возвращается ко мне. Ко мне. Как будто в моём лице он ищет ответ на вопрос, стоит ли всё это терпеть.

— Последние стежки, — говорю я, и мой голос срывается. — Почти всё.

Накладываю шов. Руки делают это сами. Глаза залиты слезами. Я не могу их сдержать. Они капают на стерильный халат, смешиваясь с потом.

Когда я откладываю инструмент, он затихает. Дрожь медленно отпускает его тело. Он лежит, обессиленный, весь мокрый, как после бури. И снова смотрит на меня. Теперь в его взгляде нет ярости. Только пустота. Крайняя, бездонная усталость зверя, который прошёл через ад и едва выбрался.

— Всё, — выдыхаю я. — Первый этап позади.

Его веки медленно смыкаются. Не от боли. От истощения.

Генерала увозят в палату.

Ночь. Я не могу уснуть. Совершаю обход, как робот. Подхожу к его палате. Генерал спит. Но сон — это продолжение пытки. Он стонет. Низко, горлом. Его тело дёргается, будто отбивается от невидимых врагов. На лице, там, где нет бинтов, играют жуткие гримасы боли.

Я стою на пороге, и во мне борются врач и женщина. Врач проигрывает.

Я вхожу. Подхожу к койке. Он мечется, чуть не срывая капельницу. Его рука взлетает в защитном жесте — сильная, жилистая, покрытая старыми шрамами и свежими повязками.

— Тихо, — говорю я, и моя рука сама, против моей воли, опускается на его лоб. — Вы в безопасности. Всё позади.

Он замирает. Открывает глаза. В полутьме, в тусклом свете мониторов, они кажутся громадными, тёмными, полными немого вопроса. Он смотрит на меня, не понимая. Потом понимает.

И происходит чудо. Напряжение медленно покидает его тело. Дикий, испуганный зверь в его взгляде отступает, уступая место человеку.

Его рука, та самая, сильная и шершавая, поднимается. Он накрывает ею мою руку, прижатую к его лбу. Не удерживает. Просто накрывает. Его ладонь горит лихорадочным жаром.

Он шевелит губами. Ни звука. Только слабая вибрация.

«Спасибо, доктор»

Он выдыхает это беззвучно и закрывает глаза. На этот раз — чтобы уснуть, а не чтобы потерять сознание.

Я выдергиваю руку, как обожжённая. Отступаю к стене, прижимаюсь к холодному кафелю. Сердце колотится, как бешеное. Его взгляд. Его прикосновение. Рык боли, сменившийся беззвучным «спасибо».

Во мне что-то сломалось. Какая-то дамба, которую я строила годами. Я чувствую прилив чего-то тёплого, щемящего и бесконечно опасного. Я вытираю лицо рукавом халата, но слёзы текут снова.

Это больше, чем профессиональная эмпатия. Это что-то личное. Что-то, что касается не его изуродованного лица, а моей собственной изуродованной души. Он, как раненый зверь, увидел во мне такую же раненую зверюгу. И в этом молчаливом признании — страшная, недопустимая правда.

Я боюсь. Боюсь этой хрупкой связи, возникшей в аду операционной. Боюсь того, что проснулось во мне. Но больше всего я боюсь завтрашнего дня, когда мне снова придётся встретиться с его взглядом.

Глава 3

Десятая операция. Мой скальпель рассекает кожу, похожую на старый, потрескавшийся пергамент.

Сегодня всё идёт не так. Нервы повреждены сильнее, чем показывало КТ. Его тело, обычно стальное в своём молчаливом терпении, дёргается под моими руками. Я слышу, как он стискивает зубы так, что скрипит эмаль.

— Андрей Сергеевич, ещё секунду…

Он не кивает. Он хрипит сквозь сжатые губы, и в этом звуке — вся его воля, собранная в кулак:

— Без… лишней химии. Режьте, доктор. Я вынесу.

«Я вынесу». Солдатское «есть». От этих слов у меня сводит живот. Я заканчиваю шов, мои пальцы дрожат. Я больше не выдерживаю его стоицизма. Когда увожу его в палату, я говорю, не глядя в глаза:

— Вечером зайду. Нужно обсудить план дальнейших операций.

Он молча кивает. Его взгляд тяжёлый, как свинец. В нём я читаю то же самое, что и в себе: мы оба устали от этой войны. Каждый на своём фронте.

Вечер. Больница затихает, превращаясь в лабиринт из теней и тишины. В его палате горит только настольная лампа, отбрасывая жёлтый круг на стены. Он не спит. Сидит в кресле у заклеенного окна, уставившись в эту матовую белизну, будто надеется разглядеть за ней хоть что-то.

— Не спится? — мой голос звучит глухо в тишине.

— Страшно уснуть, — он не поворачивается. — Там… они приходят. Дети. Те, кого не успел. Смотрят.

От его слов у меня по спине пробегает холодок. Это первое признание. Первая трещина.

— Вы спасли десятки, — говорю я, подходя ближе.

— Не всех, — он обрывает. Резко поворачивает голову. Его глаза в полумраке горят лихорадочным блеском. — И это лицо… — он делает отчаянный жест в сторону своего отражения в тёмном стекле. — Оно напоминает им не о герое. О калеке. Который не смог.

Я не думаю. Рука сама тянется и хватает его за запястье. Крепко. Так, что он вздрагивает.

— Слушайте меня, — говорю я, и в голосе звучит не врач, а женщина, которая сама знает, что такое жить в аду. — Вы — живой. Вы дышите. Вы спасённый. И ваше лицо — не напоминание о провале. Оно — доказательство того, что вы выстояли. Вы сражаетесь. Каждый день. Как настоящий мужчина. А не как трус, который боится своего отражения.

Он смотрит на меня широко раскрытыми глазами. В них мелькает шок, гнев, и… что-то ещё. Что-то глубокое, что заставляет моё сердце биться чаще. Он медленно высвобождает руку. Не отталкивает. Просто высвобождает.

— Зачем вы всё это делаете? — его голос звучит сдавленно. — Долг? Жалость? Или вам просто интересно, как слепить из развалины хоть что-то человеческое?

— Не смейте так говорить! — взрываюсь я. Слёзы, которые копились неделями, подступают к горлу. — Я делаю это, потому что вижу вас! Не ваши шрамы. Вас! Сильного. Упрямого. Настоящего!

Я отворачиваюсь, чтобы скрыть дрожь подбородка. В комнате повисает тяжёлая, звенящая тишина. Потом слышу его шаги. Он встал. Подошёл сзади. Очень близко. Я чувствую тепло его тела, слышу его дыхание.

— Алиса Викторовна, — он произносит моё имя впервые. Тихо. Так, будто боится спугнуть. — Простите.

Я оборачиваюсь. Наши взгляды сталкиваются. В его глазах больше нет пустоты. Там буря. И в центре бури — я.

— Вам не зачем извиняться, — шепчу я.

— Есть, — он качает головой. — Я веду себя как мальчишка. А вы… вы носите на себе шрамы, которых не видно. Я чувствую их. Каждый день. Кто его сделал?

Рука почти касается моего шрама на губе.

Вопрос повисает между нами, острый и опасный. Я не могу солгать. Не ему.

— Мой… муж. Бывший. Не совсем бывший. Он…

— Он жив? — голос Андрея становится низким, как гул перед грозой.

— К сожалению.

Он молча смотрит на меня. И в этом молчании — понимание, которое не нуждается в словах. Два солдата, прошедшие разные войны, но узнающие друг в друге товарища по окопам.

— Читайте, — вдруг говорит он, указывая на книгу на тумбочке. Тот самый томик Остен. —Здесь. Рядом.

Это не просьба. Это приглашение. На грани всего, что можно позволить. Я сажусь в кресло рядом. Он — на край кровати. Наши колени почти касаются. Я открываю книгу. Но не читаю. Просто сижу, чувствуя его присутствие. Оно не давит. Оно обволакивает. Как тёплое одеяло после долгого холода.

— Знаете, что я понял, глядя на вас все эти недели? — говорит он, не глядя на меня. — Вы — самая сильная женщина, которую я встречал. Вы воюете на двух фронтах. И не сдаётесь.

От этих слов в груди распускается что-то тёплое и щемящее. Я закрываю глаза.

— Просто выбора нет, — шепчу.

— Выбор есть всегда, — возражает он. — Просто иногда все варианты — плохие.

Мы сидим так, в тишине, которая говорит громче любых слов. За стенами палаты — больничный мир со своими сплетнями. Я знаю, что о нас говорят. «Доктор и её обгорелый генерал». Пусть говорят. В этой комнате, в этом жёлтом круге света, есть только правда.

Я ухожу поздно, с чувством, будто оставляю часть себя в этой палате. Дома меня ждёт другая война. Когда я вхожу в квартиру, тишина кажется подозрительной. В детской — свет. И голоса.

— …и тогда дракон сказал: «Это мой принц!» — это голос Артёма. Фальшиво-весёлый, сладкий, как патока.

Я замираю в дверях. Он сидит на ковре, Маша у него на коленях, слушает, раскрыв рот. У неё в руках — новая, огромная кукла. Такая, о которой она мечтала. Куклу-мечту она получила от папы. А от мамы — только усталые поцелуи и обещания «сделать поделку завтра».

— Мама! — Маша спрыгивает с его колен и бежит ко мне. — Смотри, что папа подарил!

Я беру её на руки, прижимаю. Пахнет чужим одеколоном. Артём медленно поднимается. На его лице — маска идеального отца. Только глаза. Эти пустые, серые глаза.

— Наталья Ивановна внезапно почувствовала недомогание. Пришлось срочно подменить, — говорит он. — Мы хорошо провели время, правда, Машенька?

— Угу! Папа сказку рассказал!

— Иди, солнышко, поиграй с куклой Ирой, — он гладит её по голове. — Взрослым нужно поговорить.

Его тон ледяной. Маша, почувствовав напряжение, нехотя уходит в гостиную. Дверь закрывается. Маска спадает с его лица мгновенно, обнажая холодную, беспощадную злобу.

— Поздновато, дорогая. Опять у своего… пациента засиделась? — он делает шаг вперёд. Я не отступаю.

— Это не твоё дело.

— Всё, что связано с тобой, — моё дело, — он шипит. — Ты — моя собственность. И мне докладывают, что моя собственность начинает позволять себе лишнее. Чтение вслух? Вечерние посиделки? Что дальше, Алиса? Будешь его перевязывать… с поцелуями?

— Это не твое дело, Артем», — говорю я тихо, но так, что он замолкает на секунду. — Хотя, в нем больше мужественности, чем в тебе. Даже с таким лицом.

Это была ошибка. Роковая. Его глаза сужаются до щелочек. В них вспыхивает такой немой, бешеный ураган ненависти, что мне становится физически страшно.

— Ах вот как, — он говорит почти шёпотом, приближаясь вплотную. — Уже сравниваешь? Уже находишь в нём… настоящего мужчину? И что, он уже трогал тебя? Этими своими… обгорелыми руками?

Он хватает меня за горло. Не чтобы задушить. Чтобы контролировать. Его пальцы впиваются в яремную вену. Чертов ублюдок.

— Я тебя предупреждал. Никаких мужчин. Никаких. Ты думала, я шучу? Ты думала, я не вижу, как у тебя глаза горят, когда ты возвращаешься от него?

Я пытаюсь вырваться, но он сильнее. Всегда был сильнее.

— Он… ничего не знает! — хриплю я.

— И не узнает, — он прижимает меня к стене, его лицо в сантиметре от моего. — Потому что у тебя будет выбор. Красивый выбор.

Он отпускает мою шею, и я судорожно глотаю воздух.

— Через три дня у твоего героя операция. Ты сделаешь так, чтобы он проснулся невменяемым. Без памяти, без воли. Ошибка в дозировке. Что-то своё, гениальное. А я… я подпишу бумаги о разводе. Отмажу. И отстегну тебе денег. Хватит на новую жизнь где-нибудь подальше. С нашей дочерью. Она останется с тобой. Навсегда. Этот генерал давно мне как кость в горле. Дает показания против моих людей. Недееспособный - он мне не враг.

Я смотрю на него, не веря своим ушам. Ледяная волна страха накатывает с головы до ног.

— Ты… с ума сошёл. Это убийство…

— Это решение проблемы! — перебивает он. — Моей проблемы... И твоей. Ты же так давно хотела, чтобы я исчез из твоей жизни. Или… — он делает театральную паузу. — Или я заберу Машу. Прямо сейчас. У меня есть все основания: мать, которая путает больницу с борделем, пренебрегает ребёнком. И тебя, голубушка, упрячу в дурку. Надолго. Или в тюрьму — у меня на тебя компромата хватит. Выбирай: одна смерть… или две. Его и твоя. А Машка будет расти, думая, что мама — сумасшедшая преступница, которую она правильно забыла.

Он гладит меня по щеке. Ласково. Так, что тошнота подкатывает к горлу.

— Подумай. Три дня. И, Алиса… — он наклоняется к самому уху. — Если попробуешь ему что-то сказать или сбежать… я приду к нему в палату лично. И покажу ему, что такое настоящая боль. Не физическая. Та, после которой жить не захочется. Всё поняла, моя хорошая?

Он отходит, поправляет рубашку. На его лице снова маска цивилизованного человека.

— Машенька, я пошёл! Целую! Слушайся маму!

Он выходит. Я слышу, как он что-то весело говорит дочери, как хлопает дверь.

Я остаюсь стоять посреди комнаты. Ноги не держат. Я падаю на колени, обхватываю руками голову. В ушах — рёв. Внутри — пустота, чёрная и бездонная. Его слова звонят, как набат: «…сделаешь так, чтобы он проснулся невменяемым…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.